
Дни рождения А.Т. Болотова: поэзия и проза

К концу XVIII века практика празднования дня рождения была еще не достаточно распространена в русской культуре – чаще праздник устраивали в день именин. Тем не менее, этот день все же осознавался как значимый и «удобный» для очередного подведения итогов. Поэтому день рождения нередко фиксируется в мемуарах – жанре, по своей природе предназначенном для обобщения опыта прожитых лет. Автор одного из самых объемных мемуарных текстов XVIII – начала XIX веков, Андрей Тимофеевич Болотов (1738-1833), воспоминания которого представляют собой переработанные подневные записки, (а) почти ежегодно останав-

---

(а) Самое полное издание записок Болотова, охватывающее период от рождения автора до 1795 года см.: Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Пред. М.П. Семевского. СПб, 1871-1873. Т. I-IV. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и столбца. Продолжение записок, доведенное до конца 1820-х годов, которое не было известно Семевскому, хранится в рукописных собраниях РНБ и ИРЛИ РАН.

ливается на дне своего рождения и описывает, как именно он провел этот день и что чувствовал. Причем с возрастом внимание к этому дню повышается, Болотов начинает выделять «круглые», юбилейные даты, считать не только прожитые годы, но и дни, о чем свидетельствует одна из записей 1793 года: «Наступивший за сим 20-й день месяца мая был достопамятен тем, что в оный совершилось мне ровно двадцать тысяч дней от моего рождения» (Жизнь и приключения IV, 1094). Но если место и положение, в котором застал его очередной день рождения, могут быть самыми разными: от военного похода и императорского дворца до собственной усадьбы, то чувства, охватывавшие автора записок, по его словам, с ранних лет были неизменными (а). Это чувство сильнейшей благодарности к Богу и желание добродетельной жизнью заслужить его милость в дальнейшем. 3 ноября 1796 года, вскоре после своего 58-летия, Болотов оформил эти переживания в стихи. Публикуемая ниже «Песнь для употребления в день своего рождения» представляет собой типичный образец болотовского поэтического творчества. Это до-

---

(а) Вряд ли возможно понять и описать, что в действительности чувствовал и переживал Болотов. В данной статье предпринята попытка реконструировать тот образ, который он сознательно и целенаправленно создавал в своих многочисленных трудах разного рода. В дальнейшем разница между «думал», «чувствовал» и т.д. и «хотел показать, что думал», «утверждает, что чувствовал» и проч. оговариваться не будет.

статочно длинный нерифмованный текст (а), написанный «на голос» известного автору стихотворного произведения или песни. Такой прием, по мнению Болотова, облегчал запоминание текста и делал его частое исполнение еще более привлекательным: «мне из опытности было известно, что пение, а особливо на какой-нибудь приятный голос, возбуждает еще сильнее чувствования душевные» (Жизнь и приключения IV, 1093). Предполагалось исполнение и этого стихотворения – оно, как и множество других болотовских стихов, было написано «на случай» и для собственного «употребления», то есть чтения вслух в подходящих ситуациях. Болотов неоднократно рассказывает в мемуарах о том, какое удовольствие доставляло ему перечитывание или распевание своих стихов. Так, например, о сочинении «Стихотворения к майскому утру» он пишет:

За труд, к тому употребленный, был я с лихвою награжден тем неизобразимым удовольствием душевным, какое чувствовал и каким наслаждался не только в те минуты, в которые сочинял я сие стихотворение, но и <...> каждый раз, когда не случалось мне их читать или петь при гуляньи в вешнее время в садах моих» (Жизнь и приключения IV, 1097).

(а) Болотов признавался, что в поэзии наибольшее затруднение для него составлял «подбор рифм» (Жизнь и приключения I, 812).

О том, как Болотов «употреблял» «Песнь...» в день своего рождения, он повествует в письме, с которого начинается неопубликованная часть мемуаров за 1802 год (а) (Болотов писал воспоминания в форме писем в вымышленному «приятелю»). Это письмо выделено специальным заголовком, так как написано в день 64-летия и знаменует собой начало 65-го года в жизни автора. Показательно, что Болотов отмечает не «круглую» дату, т.е. не завершение юбилейного года, а его начало. Это лишний раз свидетельствует о незакрепленности традиции празднования дня рождения, наряду с признанием самого автора в том, что он «по старинному обыкновению праздновал всегда <...> именины» (65-ой год, 167), а в день рождения заказал только «благодарной молебен с акафистом господу вседержителю» (65-ой год, 167). Кроме того, примечательно, что с этого письма начинается новая часть мемуаров. В воспоминаниях более раннего времени деление на части определялось какими-нибудь значимыми для автора событиями: вступлением в военную

(а) Опубликовано только это первое письмо. См.: 65-ой год моей жизни или подробное описание всего происходившего со мною 7 числа октября 1802 г. Часть I. Письмо первое // Из неизданного литературного наследия Болотова. Публикация И. Морозова и А. Кучерова. Литературное наследство. М., 1933. Т. 9 – 10. С. 166 – 172. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы. Цитаты приводятся в орфографии первой публикации.

службу, началом войны, отставкой, женитьбой и т.д. Новый принцип деления может быть связан как с тем, что после окончательного выхода в отставку в 1796 году жизнь Болотова стала менее насыщенной событиями, так и с ощущением рубежности 65-го года жизни, переходом в новое состояние, завершением «цветущего времени лет» и наступлением «вечера жизни», старости.

Письмо начинается с перечисления переживаний, охвативших автора в день рождения, аналогичных описанным в стихотворении:

Они были живейшие и преисполненные сердечной внутренней благодарности к тому, кто сохранял ежеминутно толико лет жизнь мою, и сохраняет оную и поныне, осыпая меня бесчисленными щедротами не только во дни моей молодости и в цветущее время лет моих, но и в самой нынешний вечер дней моих (65-ой год, 166).

Болотов пишет, что начал день с того, что «первым долгом <...> себе почел повергнуть себя в прах к стопам высочайшего существа и привести на мысль все его <...> бесчисленные благодеяния, принести ему достодолжное благодарение» (65-ой год, 166). Далее он утверждает, что мысленно пересмотрел всю свою жизнь, вспомнил все свои «бесчисленные преступления» перед Богом и «препроводил <...> несколько минут лежучи во прахе и в глубочайшем уничижении

пред сим владыкою мира» (65-ой год, 166), и наконец просил его и далее «быть <...> отцом и покровителем» (сравни строфы 6-9, 15-19 и 37-38 соответственно). Сходные «чувствования» логично привели к тому, что автор вспомнил о написанном шесть лет назад стихотворении:

И как в состоянии оно было растрогать еще более мою душу, то отыскав воспел я оное с новыми чувствами благодарности и умиления к моему создателю и тем еще более побужден был пещись колико можно о том, чтоб впредь быть менее против творца моего неблагодарным, а стараться колико можно быть ему угоднейшим (65-ой год, 167).

До этого места (примерно четвертая часть письма) мемуарный текст по смыслу, а местами и почти дословно, совпадает с «Песней...». Например, строфы 31-32 как будто пересказаны в следующем фрагменте из письма 1802 года:

Ах! С какими чувствами и унижением, и вкупе утешительным надеянием предавал я и все оставшиеся дни жизни моей в его совершенную власть и волю – с каким пламенным усердием просил я его быть в оставшиеся сии дни моим отцом и покровителем, подкреплять меня в моих слабостях и усердном желании быть ему угодным и быть при поздном вечере дней моих ко мне столь же милостивым, каковым был он ко мне во дни юности и во все продолжение жизни моей (65-ой год, 166-167).

Но далее автор выходит за рамки содержания стихотворения, и здесь обнаруживаются

существенные, и даже принципиальные, различия между поэтическим и прозаическим «днем рождения», по-видимому, не случайные.

Текст анализируемого стихотворения, в характерной для Болотова манере, которая особенно заметна в поэзии, изобилует смысловыми повторами: так, практически дублируют друг друга строфы 2 и 5, 3 и 7-8, 1 и 13 и т.д. В целом, стихотворение может быть сведено к нескольким тезисам: автор 1) благодарит Творца за данную ему жизнь; 2) признает абсолютную власть Бога над ним; 3) кается в собственных грехах; 4) обещает в будущем вести добродетельную жизнь. Следует отметить, что стихи аналогичного содержания Болотов писал не только по случаю собственного дня рождения. В частности, составленный им сборник «Духовные песни и стихотворения» (а) – почти сплошь вариации на те же темы. Любое из этих стихотворений отражает философские размышления Болотова о месте человека в мире и его взаимоотношениях с Богом, а также наблюдения над собственной жизнью, которые он также неоднократно излагал в различных прозаических текстах, в том числе и в мемуарах. Поэзию Болотов вообще ценил как способ более краткого, доходчивого и впоследствии легко запоминающегося изло-

---

(а) Духовные песни и стихотворения Андрея Болотова. ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 15.

жения мыслей, поэтому многие его прозаические произведения имеют поэтические пары: «Путеводителю к истинному человеческому счастью» (a) соответствует ода «К человеку, хотящему быти счастливому» (b), «Живописателю природы» (c) – «Ода искусству увеселяться красотою Натуры» (d), «Чувствованиям истинного христианина» (e) – «Духовные песни и стихотворения». Кроме того, Болотов вообще был склонен к многократному повторению ценных для него идей. Так, дважды высказанная в стихотворении мысль о «премногих» опасностях, преследовавших автора с пеленок, от которых он сумел по воле Творца «сохраниться», была подробно развита им в небольшой статье «О бдении промысла Господня над жизнью человеческой» (f),

---

(a) [Болотов А.Т.] Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению оного. М., 1784. Ч. I-III. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера части и страницы.

(b) Собрание мелких сочинений в стихах и в прозе Андрея Болотова. Том I. 1794. РО РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 65. Л. 140 - 153.

(c) Болотов А.Т. Живописатель природы, или Опыт сочинениям, относящимся до красоты природы и увеселения себя оными // Болотов А.Т. Избранное. Псков, 1993. С. 205 – 344.

(d) Болотов А.Т. Ода искусству увеселяться красотою природы // Русская поэзия. Вып.V. СПб., 1887. С. 59 - 65.

(e) [Болотов А.Т.] Чувствования христианина при начале и конце каждого дни в неделе, относящегося к самому себе и к Богу. Сочинение одного Россиянина. М., 1781.

(f) Собрание мелких сочинений в стихах и прозе. Т. V. 1798. РО РНБ Ф.

где он приводит ряд показательных, с его точки зрения, эпизодов из собственной жизни. Все они приведены и в мемуарах и сопровождаются соответствующим комментарием, например:

Всякий раз, когда размышляю я о течении моей жизни и о всех бывших со мною происшествиях, примечаю я в оной многие следы особенного божеского обо мне Промысла, и вижу ныне очень ясно, что и наиглавнейшими происшествиями со мною не иначе, как неведомая рука Господня управляла (Жизнь и приключения I, 672).

Таким образом, Болотов постоянно показывает своему читателю, что его жизнь есть выполнение морального долга перед Богом, много лет хранившим его от бед и опасностей, суть которого заключается в том, чтобы не просто соответствовать высокому идеалу христианина, но и пропагандировать этот идеал.

Идея морального долга – ключевая и для рассматриваемого стихотворения. Центральная его часть посвящена покаянию в грехах (строфы 15-19) и самоуничижению. Болотов настолько гиперболизирует собственные «вины» и «преступления», что для «ударной» 19-й строфы даже находит необходимым предложить два варианта: крайне критический по отношению к самому себе и смягченный (вместо «гнусен» предложен вариант «винен», а вместо «собою днешь гнушаюсь» – «никакого оправданья // Не

нахожу ни в чем себе»). Далее идут просьбы о милости (строфы 20-26) и обещания исправиться (строфы 27-33), а завершается «Песнь...» клятвой в любви к Богу. Текст при этом выстроен таким образом, что просьбы, обращенные к Творцу, подкрепляются встречными обещаниями. В несколько упрощенном виде авторская логика такова: Бог создал данного представителя человечества и даровал ему уже довольно продолжительную жизнь, и если он оставит свое порождение в дальнейшем, то усилия его пропадут зря, потому что без божественного покровительства человек погрязнет во грехе и не в силах будет вынести заслуженной кары. Автор возлагает надежду на то, что Творец не находит «благоволенья» в «погибели рабов своих» (строфа 24) и защищает свои творения от им же налагаемого наказания. Условная конструкция, использованная в строфе 27 («Вперед когда будет угодно // Тебе мою здесь жизнь продлить, // Во все дни я стараться буду // Быть лучшим перед тем, как был...»), прямо ставит обещаемое добродетельное поведение в зависимость от благой божественной воли и помощи в будущем, и таким образом превращает кару Господню в условно-профилактическое наказание.

Данное стихотворение воспроизводит характерную для болотовских философских воззрений модель взаимоотношений человека с Богом

как ребенка со строгими, но любящими родителями: в первую часть его жизни они затрачивают определенные усилия на воспитание, сначала только любовью, потом постепенно применяя и наказания, но во второй половине все больше ждут от него добродетели и благодарного почтения. Это своего рода семейный договор, в котором даже непослушание в юности может быть компенсировано добронравием в зрелости, а неудачное воспитание принесет дурные плоды, вина за которые в равной степени лежит и на воспитуемом и на воспитателе. При этом определяющим становится не страх наказания, которое никогда не может быть чрезмерно строгим, потому что применяется любящими родителями (Господом), и не обещание награды, а чувство морального долга, благодарности за заботу и труды. Не случайно в 31-й строфе автор просит напоминать ему, «чем он должен» Творцу. На такое восприятие Болотовым отношений Бога и человека, в котором А.А. Блок не без основания видел воздействие протестантской морали (а), повлияло его увлечение учением немецкого философа и теолога Христиана Августа Крузия (Крузиуса, Crusius 1715 - 1775) о воле и свободе (телематологии). С «крузианством», как и с рядом других актуальных для него фило-

---

(а) Блок А.А. Болотов и Новиков // Блок А.А. Собрание сочинений. Т. 11. Л., 1934. С. 32.

софских систем, Болотов познакомился в годы Семилетней войны в Кенигсберге, благодаря некому магистру Вейману, чьи лекции он начал посещать, разочаровавшись в популярной тогда философии Христиана Вольфа. Разработка проблемы свободы человека в рамках божественной воли в философии Крузия настолько привлекла Болотова, что, взявшись читать «весь философический курс или всю философию крузианскую» (Жизнь и приключения I, 56-57), он даже, по его словам, выучил раздел телематологии наизусть. Воспитанный в христианской традиции, Болотов был определенным образом подготовлен к восприятию идей Крузия, опровергавших теорию Вольфа, которая ранее привела его в смятение. Идея свободы волеизъявления, выражающаяся, прежде всего, в сознательном подчинении Творцу, отношения с которым строятся не на страхе или ожидании милости, а на основании сознания морального долга, оказались близки Болотову. Госпожа Ц., героиня его «Детской философии», говорит своим детям о Боге:

Он хотел, чтобы дела мы такие делали, которые ему не противны, но приятны были, однако он нас и тут не сделал принужденными. Он сделал нас такими, что мы и противные ему дела делать можем и дал нам на волю делать то, что мы хотим, доброе или худое. (а)

(а) [Болотов А.Т.] Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. М., 1776. Ч. I. С. 91.

Поэтому категория должностования, использованная Болотовым в 31-й строфе «Песни...», – выражение продуманной позиции. Человек, при поддержке Творца, сознает свой долг перед Богом и волен выполнять его или проигнорировать. Однако в последнем случае он навлечет на себя не только гнев Божий, но и собственные угрызения совести и внутреннее беспокойство от сознания невыполненного долга, и оттого будет несчастен.

Искусство быть счастливым – важнейшая составляющая болотовской философской системы, достаточно стройной и законченной, хотя и позаимствованной из ряда независимых источников, компилятивной. Разработанный на основе трудов нескольких иностранных (точнее, немецких) авторов, свод практических рекомендаций по достижению возможной меры земного счастья был изложен Болотовым в его основных философских трудах, прежде всего в «Путеводителе к истинному человеческому счастью», а также в «Детской философии» и оде «К человеку, хотящему быти счастливым». Постоянно обращается Болотов к этой теме и в мемуарах, подчеркивая, что свидетельства своего рода избрничества, которые он видит в своей биографии с самого детства, привели его к пониманию собственного предназначения:

Коль легко мог бы я в сей период времени испортиться, избаловаться и сделаться на всю жизнь мою шалуном и негодяем, если б не бдело надо мною Провидение и бесконечная благодать Создателя моего не сохранила меня от всех зол и пороков, в которые я всего легче мог погрузиться (Жизнь и приключения I, 223).

Первое письмо за 1802 год опять возвращается к этой теме и поэтому достаточно типично. Его первая часть, как и стихотворение ко дню рождения, очередной раз кратко излагает болотовскую «телематологию». Но письмо, в отличие от стихотворения, на этом отнюдь не заканчивается. Основная часть его посвящена рассказу о том благополучном состоянии, душевном и физическом, в котором автора застиг день рождения. В стихотворении этому посвящены только две строчки: «И ныне цел, здоров и щастлив // И всем доволен в жизни сей». В письме же Болотов подробно рассуждает о том, что он, в отличие от жены, абсолютно доволен своей жизнью:

Я наслаждался мирною, довольною и покойною и прямо счастливою деревенскою жизнью и за все сии многоразличные и великие выгоды обязан был моему небесному отцу и благодетелю, которому и не престану за то благодарить, куда обитать будет дух в моем брэнном теле. Что касается до моей жены, то к сожалению моему была она далеко не такова счастлива и причиною тому были многие и разные обстоятельства, а всего более природный ее характер, свойства ее души и воспитание самое (65-ой год, 169).

Под свойствами души Болотов прежде всего подразумевает ее невосприимчивость к его науке быть счастливым:

Она не может быть почти никогда прямо весела и чувствовать душевное спокойствие и удовольствие, которое толико нужно для благополучия жизни <...> но вопреки тому склонна <...> ко всегдашнему огорчению от самых ничего не значащих безделиц (65-ой год, 169).

Беда супруги, по мнению Болотова, заключается еще и в том, что «...она не принимает не только советов, но при едином и напоминании о том огорчается еще более...», и к тому же не имеет склонности к чтению полезных книг (65-ой год, 169).

Под книгами, которые помогали ему «преодолевать огорчения» и которые не желала читать его жена, Болотов подразумевал прежде всего «Теорию приятных и неприятных ощущений» (*Theorie der Angenehmen und Unangenehmen Empfindungen*, 1762) Иоганна Георга Зульцера (Sulzer, 1720 - 1779) (a) и трактат «Об удовлетворении» (*Zwei Bücher von der Zufriedenheit*, 1760) Иоганна Адольфа Гофмана (Hoffman, 1676 - 1731) (b). В основанных на этих источниках

(a) Цитаты даются с указанием в тексте страницы по более позднему сокращенному переводу с французского издания: Новая теория удовольствий, сочинение Зульцера, переведенное с Французского языка Иваном Левитским. СПб., 1813.

(b) Цитаты даются с указанием в тексте номера части и страницы по: Иоанна Адольфа Гофмана о спокойствии и удовольствии человеческого, с Немецкого языка переведена Сергеем Волчковым. СПб., 1762- 1763. Ч. I - II.

собственных философских построениях Болотов исходил из заложенного в человека стремления к достижению счастья, которое заключается в благополучии: «...желание благополучия не только каждому человеку свойственно, но и знатнейшее пред всеми прочими желаниями есть» (Путеводитель I, 17-18). Благополучие Болотов трактует как

самое то, что просто, хотя неправильно, счастливым состоянием, а от ученых верховнейшим или высочайшим Благом, или просто Блаженством называется. Или яснее сказать, самую лучшую вещь, которой человек в своей жизни желает (Путеводитель I, 37-38).

Далее Болотов делает вывод о том, что подобное желание вложено в человека самим Творцом: «Ибо когда из опыта видим, что в каждом человеке желание к нему есть, то не должно ли заключать, что оно от великого Создателя нашего не втуне нам дано» (Путеводитель I, 18). Таким образом, свойственное человеку стремление к счастливой жизни оказывается оправдано и освящено божественной волей, а следовательно, с необходимостью должно быть достигнуто, как реализация этой воли. Между тем, наблюдения над человеческой жизнью показывают, что человеку скорее свойственно ощущать себя несчастным, не случайно, вопрос о возможности достижения счастья волнует философов с древнейших времен. Такие рассуждения приводят Болотова к ряду последовательных выводов:

Во-первых, что совершенное благополучие есть и ему не быть не можно. Во-вторых, что оно совсем не в том состоит, в чем большая часть людей его полагает. В-третьих, что в самом совершенстве его в нынешней жизни получить нельзя, а только до некоторого знатного градуса или степени доводить можно, получение же совершенного представлено будущей жизни. А в-четвертых, наконец, что и помянутый градус с тем только условием приобрести можно, когда благополучие прямым и натуральным путем и надлежащими способами искано и приобретается (Путеводитель I, 22-23).

То есть истинное благополучие может быть непременно достигнуто только в «будущей» жизни. Этот «богословский» аспект в теории Болотова заимствован им у Гофмана, который писал:

Хотя мы на сем свете и временно живем, однако к другому вечному свету и к бесконечной жизни сотворены. Для сей причины должно удовольствию нашему в наслаждении настоящем весьма несовершенну быть; затем, что человек естественным образом всегда будущего желает. Главное его увеселение в том, чего еще нет, а лучшее благополучие утверждается на отсутствующем (Гофман I, 18).

«Путеводитель к истинному человеческому счастью» посвящен разработке практических «правил снискания благополучия». Так как веселье «не от чего иного, как от исполнения какого-нибудь нашего желания делается» (Путеводитель, I, 80), то прямым путем к обретению

благополучия является обуздание тех желаний, выполнение которых невозможно или сопряжено со значительными трудностями и может повлечь за собой неприятные последствия, то есть, по образному выражению Болотова, нужно перестать «усильно против рожна прать» (Путеводитель I, 62). (а) Бог предоставляет человеку возможность сделать самостоятельный выбор в пользу «правильных» увеселений, стать «собственного своего благополучия соорудителями и поспешествователями» (Путеводитель I, 98) и продемонстрировать тем самым свою добрую волю. Далее Болотов переходит к формулировке конкретных правил достижения благополучия. В задачу каждого человека, по его мнению, входит: увеличить в себе любовь к Богу и человеку, приучить себя к «мысленным» и «неубыточным», доступным увеселениям и научиться увеселяться сознательно, т.е. размышляя о том, какую пользу данное увеселение может принести (Путеводитель II, 263, 392, 441, 484). В полном соответствии с «теорией удовольствия» Зульцера, Болотов пишет: «... не вещественные вещи сами собою, как-то сокровища, дома, дети, честь, пища и питье и прочие тому подобные вещи, а только одно душевное состояние, как-

---

(а) Сравни у Гофмана: «Что же мне делать, дабы я всегда спокоен и в себе доволен был? Не имение свое умножай, да страстей и прихотей твоих убавляй» (Гофман I, 22).

то веселие, благополучие человека составляет» (Путеводитель, I, 51). Он подробно перечисляет все увеселения, которые считает добродетельными:

Есть многие иные роды невинных, неубыточных и не с трудным исканием сопряженных увеселений, поговорите только о том с живущими в деревнях и прямо приятной, простой и невинной сельской жизнью с разумом наслаждающимися сельскими жителями; поговорите с охотниками до садов и прямыми любителями оных; побеседуйте с любителями наук и учености и препровождающими в них и в чтении книг праздное свое время; спросите, наконец, знающих какое-нибудь ремесло и художество и упражняющихся в них по своей воле, без принуждения и для одного только увеселения; спросите у тех, которые похвальную привычку имеют при свиданиях со своими приятелями и друзьями не в пустословии одних и не в бездельных играх, но в разумных, важных, полезных и увеселительных разговорах препроводать свое время - спросите, говорю, у всех них, пользуются ли они когда-нибудь увеселениями и часто ли претерпевают скуку (Путеводитель II, 454).

Таким образом, созерцание природы, чтение, размышление, творчество и беседа (последнее чуть более труднодостижимо, так как требует участия второго лица) оказываются наиболее предпочтительными удовольствиями, тесно связанными с этическим и эстетическим идеалом и не приносящими никакого вреда человеку.

Если верить Болотову, то, благодаря приме-

нению всех этих правил на практике, к определенному возрасту он достиг возможной на земле меры благополучия и мог почитать себя абсолютно счастливым человеком, по крайней мере, таковым он пытается представить себя в мемуарах. Поэтому каждый раз, когда возникает ситуация, располагающая к подведению итогов, например, день рождения, Болотов повторяет, что он счастлив и спокоен, полностью доволен тем, что имеет (здесь обычно следует подробное обозрение всего его материального состояния и духовного багажа), и тем надеется быть угодным Творцу и заслужить его покровительство и «благость»:

Что касается до душевного состояния, то по благодати господней было оно хорошо, спокойно, мирно, и таково, какое только может составлять истинное блаженство на земле сей; <...> а если когда и случались какие небольшие огорчения, так [я] всячески оные преодолевать старался. Самые наружные обстоятельства состояния моего соответствовали тому немало. Достаток имел я хотя небольшой, а очень, очень средственный, но по крайней мере не обременен был долгами, (а) <...> дом имел спокойной, теплой и веселой, платья довольно; люди также были, ездить было на чем и в чем, усадьбу имел прекрасную, сады такие, которые утешали меня ежедневно; денег множество, чин хотя небольшой, но не гнусной и не постыд-

---

(а) Примечательно, что декларируя непринципиальность размеров дохода для достижения благополучия, Болотов в небольшом абзаце трижды упоминает о них. Эти повторы в нашей цитате опущены.

ной; соседями и знакомыми всеми был любим и почитаем, недругов и врагов не имел из известных никого; имя носил доброго и честного человека, а сверх того было оно и во всем отечестве моем не только не безизвестно, но довольно и славно и таково, что многие желали меня видеть и со мною иметь знакомство. <...>; от приказных ссор и хлопот был освобожден (65-ой год, 168-169).

Таким образом, если рассматривать стихотворение 1796 года и письмо 1802 в свете философских воззрений Болотова, то они как будто дополняют друг друга: «Песнь...» излагает болотовскую телематологию, письмо – искусство быть счастливым. Но в стихотворении 1796 года перед читателем встает образ человека, уверенного в своем несовершенстве и униженно просящего Бога не оставить его своим попечением в дальнейшем, несмотря на «вины» и преступления, а в письме от 7 октября 1802 года Болотов стремится нарисовать фигуру умудренного опытом старца, оставившего свои грехи в прошлом. Даже к самым тяжелым из возможных утрат он готов отнестись со смирением и философским спокойствием. Так, о младшем внуке, который на момент создания письма находится вместе со своими родителями в отдалении, Болотов пишет: «Не знаю, угодно ли будет богу позволить мне сею младою и нежною еще отрослью моего дома и рода при старости повеселиться и не лишит ли он всех нас его в самом младенчестве»

(65-ой год, 170-171).

Такое различие в создаваемом образе самого себя вряд ли может быть случайным. Присущее Болотову жизнестроительство, отмечавшееся всеми исследователями его творчества, не было стихийно, это был сознательно регулируемый процесс, в котором задействовались все сферы деятельности. И любой созданный им текст (по крайней мере, с момента, когда он начал переделывать дневники в мемуары, то есть примерно с 1790-х годов) играет в этом процессе свою определенную роль (здесь кроется причина столь бережного отношения к своим бумагам, выразившегося, например, в переписывании и хранении собственных писем). Поэтому разница в изображении самого себя в разных произведениях скорее всего осмысленна и причина ее возникновения может заключаться в том, что рассматриваемое стихотворение обращено не столько к адресату – Творцу (см. строфу 36), сколько к самому автору, и закрепляет для него самого определенный тип отношений с Создателем (что не отменяет сознательной или подсознательной ориентации на стороннего наблюдателя – читателя). Записки же обращены к потомкам, а также ко всем, кто пожелает с ними ознакомиться, то есть в первую очередь к «внешнему» читателю (недаром Болотов упоминает о том, что имя его

«в отечестве» «не безызвестно»).

Без преувеличения широкомасштабная деятельность Болотова в различных научных и культурных областях и, главное, постоянный рассказ об этой деятельности в разных формах, преследовали, по существу, одну главную цель – научить других той жизненной философии, которую он считал верной и спасительной. Такое отношение Болотова к собственной жизни как некой идеальной модели характерно прежде всего для его мемуаров. Болотов строит записки как доказательство действительности своей жизненной философии на примере собственной жизни, и потому они могут рассматриваться как произведение в высшей степени нравоучительное, и, вероятно, именно так Болотов расценивал функцию и назначение частных записок вообще. По мнению Болотова, повествование о частной жизни имеет право на существование только в том случае, если самой *неисключительностью* может служить примером «правильного» поведения для простых смертных и становится, тем самым, *исключительной*.

Мемуары Болотова в сочетании с другими текстами, написанными им о себе и для себя, выстраивают определенный сюжет, не случайно он назвал свои записки как роман, «Жизнь и приключения...». Сюжет этот определен не столько событиями, происходящими с героем,

сколько его духовным становлением и повествует о человеке, оправдавшем доверие Творца, вложившего в него многие хорошие черты, и о том, как Бог вознаградил этого человека возможной на земле мерой счастья. Но автор записок испытывал потребность в верификации их содержания, и этой цели служили многочисленные сопутствующие произведения, которые он упоминает в мемуарах или иногда даже включает в них. Это письма друзьям и родственникам, статьи на разные темы, стихи. Они, в отличие от воспоминаний, которые пишутся по прошествии времени, отражают состояние момента, и поэтому в них возникает образ человека не всегда уверенного в себе, что делает мемуарное повествование убедительным и показывает, что путь к благополучию и счастью не прост и долог. Именно поэтому наследие Болотова – это не только мемуары, но целый архив, причем уже обработанный его создателем и приспособленный для работы с ним. Его содержание может быть условно поделено на три части: теория (философские труды) – практика (различные виды сиюминутных откликов на события: письма, статьи, стихи, дневники) – рефлексия по ее поводу (мемуары). И, вероятно, поэтому для Болотова так важны были дни рождения – они давали повод не просто для рефлексии, но для метарефлексии,

оценки прожитого к какому-то моменту с еще одной временной дистанции, и предоставляли возможность лишний раз подтвердить, что путь к счастью, несмотря на все трудности, был выбран правильно.

Болотов не дожил всего трех лет до своего столетия и до его празднования Московским сельскохозяйственным обществом, членом которого он являлся с 1820 года. Но торжественное собрание по этому поводу было посвящено его агрономической деятельности и совсем не касалось той главной науки, исследователем и пропагандистом которой он был – науки быть счастливым.

**Песнь для употребления в день своего рождения.
Сочинена ноября 3 дня 1796 в Богородицке в
кабинете. На голос псалма <нрзб>. (а)**

1

В сей день, о Боже, я имею
Особый долг благодарить
Тебя, Господь мой и Зиждитель,
За милости твои [и] хлеб,

2

За несколько годов претекших.
Угодно было то тебе,
Чтоб я в сей самый день родился
И жить здесь начал на земле.

3

Тебе угодно также было,
Чтоб не погиб я в пеленах
И в летах детских сохранился
От всех опасностей и зол.

4

Ты восхотел того, о Творче!
Чтоб находился я в числе
Людей, назначенных Тобою,
Сей мир Твой ныне обитать,

(а) Текст публикуется в современной орфографии и пунктуации с сохранением некоторых особенностей произношения, отраженных на письме. Деление на строфы авторское, нумерация строф введена для удобства оформления ссылок.

(118)

5

И чтоб мой краткий век простерся
До самых дней сих и времен,
И я себя чтоб и поныне
В числе живущих мог считать.

6

Но ах, когда о том подумаю,
Сколь много дней уже прожил
С того дня, как я свет увидел
И помнить стал я сам себя,

7

И что во все часы несметны,
Прожитые мной до сего,
Подвержен был я столь премногим
Опасностям во всякий день,

8

И что от всех их сохранился
Безвредно до сего часа,
И ныне цел, здоров и щастлив
И всем доволен в жизни сей,

9

Когда сие воображаю,
И то на память привожу,
Что я не сам тому собою,
А ты един причиной был,

10

То дух мой весь растаевает
От благодарности к Тебе,

(119)

И слов найти я не умею
Тебе изобразить сию,

11

А только сердце отвержаю
Перед самым Тобой, мой Бог,
Прошу тебя святейшим оком
На чувства его воззреть.

12

Ты узришь сам, и узришь ясно,
Что чувствует к Тебе оно,
И с сколь живым оно стремленьем
Тебя за все благодарит.

13

Прими ж сию ты благодарность
От недостойного раба
За все твои к нему щедроты
И милости в претекши дни.

14

Бесчисленны они все были,
И я никак не заслужил,
Чтоб столько был ты милосердным
К последнему из раб твоих,

15

К рабу, достойнейшему казни
За преступления свои,
Которыми гневил он столько
В течение дней своих Тебя.

(120)

16

О Боже! Дух мой весь мятется,
И кровь хладеет вся во мне,
Когда я то воспоминаю,
Сколь часто я Тебя гневил.

17

Едино не проходило
Из всех прожитых мною лет, (a)
В которое б я пред Тобою
Не сделал тысяч сотни вин,

18

И всеми ими Твою благость
Не оскорблял во всякий день,
И множеством моих дел злейших
Не подвигал Тебя на гнев.

19

О Боже! Я толико дурен
И гнусен был перед Тобой,
Что сам собою днесь гнушаюсь,
И стыд объемлет весь мой дух. (b)

20

К единой только благостыне
И бесконечной к нам любви

(a) Зачеркнуто «дней»

(b) Вариант строфы, вписанный снизу листа:

О Боже! Я толико дурен
И винен был перед Тобой,
Что никакого оправданья
Не нахожу ни в чем себе.

(121)

Твоей! святейший мой Зиждитель,
Со вздохом прибегаю днесь.

21

Молю, прошу Тебя, Владыко,
Упав к стопам Твоим святым,
Оставить все мои проступки
И милосердствовать о мне.

22

Что буду я, коль не оставишь
Всех вин моих перед Тобой
И праведный свой гнев святейший
На тварь ничтожну излеешь?

23

Могу ли я подъяти тягость
Всей казни, заслуженной мной?
Я в век погибнуть буду должен,
Коль милость ты мне не явишь.

24

Но Ты, о Боже превеликий,
По неизмеримой любви
Благоволенья не находишь
В погибели рабов своих.

25

Воззри же днесь на тварь лежащу
Во прахе здесь перед Тобой
И милость ей яви, о Боже,
Против ей все вины ея.

(122)

26

Молю Тебя я с сокрушенным
И сердцем, и душой о том,
И искренно теперь жалею,
Что так был дурен до сего.

27

Вперед когда будет угодно
Тебе мою здесь жизнь продлить,
Во все дни я стараться буду
Быть лучшим, перед тем как был.

28

Но как твоя нужна мне помощь
И в сем хотении святом,
То буди мне ты в том помощник
И руководи в том мне сам.

29

Я длинноты хотя не знаю
Оставшей жизни моея,
Но сколько б ни было угодно
Тебе еще продлить ее,

30

Но буди мне, великий Боже!
Во все сии грядущи дни
Отцом толико ж милосердным,
Каким ты был мне до сего.

31

Соделай, чтоб в оставше время
Сей краткой жизни моея,

(123)

Я лутче б помнил, чем я должен
Тебе, великий мой Творец,

32

И помня то, возмог быть лутчим
Во всех деяниях своих,
И сделаться чрез то угодным
Тебе, небесный мой Отец!

33

Сего я пламенно желаю
Своим и сердцем, и душой;
Благослови сии желанья
Десницею своей святой.

34

А в прочем все в твою я волю,
Великий Боже, предаю,
Твори со мною что угодно
В оставше время дней моих.

35

Я тварь Твоя – Ты мой Создатель,
Тебе известно все и вся,
И нужды наши, и желанья,
И пользы боле нас самих.

36

Так нужно ль изъяснять мне дале,
Чего желал бы я еще?
Ты знаешь то, великий Боже,
И без моих словес о том.

(124)

37

Одно лишь мне всего нужнее,
И я о том Тебя прошу,
Чтоб был Ты и в грядущее время
Покровом и Отцом моим.

38

Сего единого довольно
Для щастия всех дней моих,
Любовь Твоя мне драгоценней
Сокровищей всех на земле.

(Собрание мелких сочинений в стихах и в прозе. Т. II. 1794-1799. РО РНБ Ф. 89. Ед. хр. 66. Л. 116-120 об.)

